

УДК 115.4:124.5:347.471:340.1

Н.Ф. Медушевская

К.Е. Сигалов

Медушевская Н.Ф.*,
Сигалов К.Е.**

Условия формирования гражданского общества в контексте пространственно-временных факторов

Медушевская Наталья Федоровна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: Sapfo2@yandex.ru

Сигалов Константин Елизарович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

E-mail: sigalovconst@mail.ru

В статье рассматриваются политические, экономические и интеллектуально-духовные условия формирования гражданского общества в контексте их пространственного разнообразия и с учетом темпоральных факторов. Подчеркивается значимость выявления данных условий для понимания специфики гражданского общества, его наличия или отсутствия в конкретной социальной системе.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, христианство, политические условия, экономические условия, интеллектуально-духовные условия, цивилизация, свобода, право, собственность, юридическое образование, самоуправление.

Условия формирования гражданского общества предполагают изучение среды существования, момента генезиса и развития гражданского общества, это то главное, откуда вытекают особенности и специфика гражданского общества той или иной социальной единицы. Они должны выявить причину, необходимые детерминанты, способные объяснить, оправдать, сделать понятными бытие гражданского общества, его признаки, сущность и сам факт существования или отсутствия. Условия могут быть разные: экономические, исторические, политические, социокультурные, интеллектуально-духовные. Все условия формирования гражданского общества находятся в диалектической взаимосвязи и взаимозависимости, оказывают друг на друга влияние.

Гражданское общество – одно из самых ярких проявлений политической жизни социума, возможность людей и их объединений активно влиять на собственную жизнь и жизнь государства, в котором они живут. Оно – продукт соответствующей политической среды, которая наиболее зримо воплощена в государстве, государственной деятельности, и потому в отношениях с государством в первую очередь кристаллизуется гражданское общество. Исходя из этого, обратимся в первую очередь к анализу политических условий формирования гражданского общества.

Политическая среда и государства, и общества, и права сопряжена с феноменом насилия. У насилия как цивилизационного феномена отсутствуют какие-либо абстрактные и однозначные оценки истоков, причин и функций в социальном процессе, оно требует легитимации и исключительности своего происхождения от власти.

В любой культуре можно выделить, по крайней мере, две ценностные ориентации: первая исходит из стремления подавления противоположной стороны, навязывания ей своей воли через систему власти; вторая опирается на принцип равноправия сторон, стратегию диалога, компромисса, баланса сил, отказа от репрессивных форм власти. Во взаимодействии этих ориентаций закладываются две тенденции: движение к более скрытым и изолированным формам насилия или стремление к ограничению насилия в контексте утверждения неотъемлемых прав человека. «В конечном счете, основная проблема заключается в том, какую из названных тенденций с большим правом можно считать фактором эволюции и двигателем прогресса. Ответ на этот вопрос связан с пониманием истоков насилия. Эволюция общества свидетельствует о постоянном росте потенциала насилия в социальных отношениях. В традиционных обществах насилие выступало в формах непосредственной реакции на «чужого» вплоть до его уничтожения. Индустриальное общество продолжает эту тенденцию, но здесь на первый план выходят формы косвенного, скрытого насилия»¹.

Политическим условием формирования гражданского общества на Западе стало преобладание второй из указанных тенденций. Для нашей страны более адекватным способом воплощения насилия является первая ценностная ориентация.

¹ Миненков Г.Я. Социальное насилие / Всемирная энциклопедия. Философия. М.: АСТ-Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. С. 995.

Государства с очевидностью сильно различаются между собой, но более всего различий существует по поводу участия населения в управлении делами общества и государства. Представителю западной правовой культуры ясно, что граждане должны принимать активное участие в общественной жизни. Но это совершенно не очевидно для представителей других правовых культур. Так, если на Западе местное самоуправление и общественные организации оцениваются как проявление политической активности и инструмент отстаивания своих прав и свобод, то на Востоке подобного рода структуры – это, напротив, лишь один из инструментов государственного контроля над обществом и личностью.

В зависимости от интенций, исходящих от центров власти, формируются и формы правления. Естественно, что в большинстве случаев демократический стиль правления восходит к управлению обществом советом старейшин и народным собранием, а тоталитарный – к управлению общества вождями. Однако истории известны случаи «коллективного тоталитаризма». Как правило, они обусловлены радикальным идеологическим влиянием (как религиозным, так и сугубо светским), исключаящим любое инакомыслие.

На выбор формы государства огромное влияние оказывали цивилизационные факторы. Так, характер отношений между властью и народом определяло наличие господствующей в обществе производственной технологии. Интенсивная технология, прогрессивное использование передовых приемов производства способствовали большей независимости отдельного члена общества, экстенсивная технология, попытки решать проблемы числом, а не умением – рабской зависимостью от правителя. Соответственно, в первом случае преобладали демократические формы правления, во втором – деспотические.

Прогрессирующая основа любой цивилизации – это переход от присваивающего производства к производящему. Земледельческие оседлые цивилизации, ведущие свое происхождение от собирательской технологии и объективно стремящиеся к интенсивной производственной технологии, в целом менее агрессивны, они осваивают постоянно одну и ту же территорию, их задача – отстоять свое. Скотоводческие кочевые цивилизации с экстенсивной производственной технологией более агрессивны, им нужны постоянно новые территории, их задача – завоевать чужое, сделать его своим.

Политический режим и цивилизационная технологическая детерминированность формируют несколько типов монархической государственной власти. Первый тип – деспотический, когда монарх являлся собственником всего сущего на земле и воплощением божества, а то и просто живым богом. Его власть сакральна, никаких ограничений, кроме божественных, она не имела, хотя эти ограничения и ответственность перед богами, порой, были весьма значительными, и утрата божественной сущности правителя приводила к его свержению и смерти.

Второй тип – семитический. Так, древние евреи никогда не считали царей равными богам или избранниками богов. Власть израильских царей была крайне ограничена наличием целого пакета юридических документов о ее пределах. В основании этого пакета лежал договор, который вновь избранный царь, согласно традиции при вступлении на престол заключал с народом и по которому он обязывался исполнять все законы, определяющие пределы его власти¹. Но самым главным ограничением царской власти в Израиле и самым могучим препятствием на пути деспотизма был принцип теократии, согласно которому истинным и единственным Царем всех израильтян был Яхве, а потому цари, как и все другие институты власти в Израиле, были, по сути дела, лишь органами, слугами Яхве, его наместниками на Земле Обетованной².

Третий тип – полуреспубликанский, античный, когда монарх (басилевс, рекс) был просто первым среди равных. Казалось бы, царская власть в Античности – столь же характерное явление, как и на Востоке. Однако греческий царь-басилевс или римский царь-рекс значительным образом отличались по своему положению от древневосточных царей-деспотов.

Деспотизм западноевропейских монархов был довольно рано пресечен. Во всяком случае, основным принципом Великой хартии вольностей было положение «И короли должны соблюдать законы». Для современной монархической системы характерна высокая роль парламентаризма и институтов демократии.

Божество вручает власть Арташиру I. Барельеф в Накише-Рустам, Иран, III в. н.э.

Самуил помазает Давида на царство в присутствии его братьев. Роспись на западной стене синагоги в Дуре-Европос. III в. н.э.

Демократия, коронуящая демос. Фрагмент стелы с текстом закона против тирании на афинской агоре. 337–336 гг. до н.э.

¹ Библия. I Цар. 10, 25; II Цар. 5, 3; IV Цар. 11, 17.

² См.: Грубарг М. Основные элементы учения иудаизма о государстве и праве // Государство и право. 2002. № 5. С. 96.

Но демократия и либерализм – не одно и то же, более того, в правовом аспекте они даже противостоят друг другу. Идея правовой демократии – отнюдь не общечеловеческая, многим она чужда и непонятна. Правовая демократия востребована лишь в условиях признания ценности индивидуализма и частной собственности.

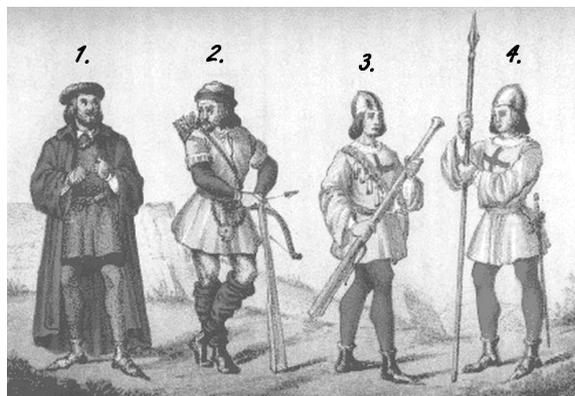
Возможность установления правовой демократии прямо связано с социальным составом общества. Незрелые демократические режимы легко могут обернуться своей противоположностью – тоталитаризмом и отказом от права как ценности. Только общество, состоящее из собственников, независимо от того, чем они владеют – интеллектом, средствами производства, деньгами или только своей рабочей силой, действительно нуждается в правовой демократии и способно эту демократию защитить и сохранить.

Однако вне зависимости от формы государства и формы его правления важнейшим параметром власти является то, как она осуществляется на местах. Именно значимость местного самоуправления характеризует степень участия гражданского общества в жизни страны. В Западной Европе даже самые могущественные правители были вынуждены считаться с городским самоуправлением в силу социально-экономических, политических и военных причин. Подобный вес городского самоуправления – прообраза гражданского общества – был следствием ожесточенной борьбы за свои права, а городской нобилитет по своему влиянию на королевскую власть ничуть не уступал влиянию аристократии. Неслучайно поэтому В.А. Бачинин пишет: «Европейский «юридический человек» – создатель гражданского общества»¹.

Именно городское самоуправление стало импульсом к юридизации всей системы отношений в обществе. В XII и XIII вв. произошел переворот в правовой системе христианского мира: начался, «во-первых, процесс обновления римского права, во-вторых, выработка канонического права (за ним останутся такие важные сферы жизни, как роствоительство и вступление в брак), и, кроме того, будут зафиксированы на письме феодальные обычаи и вольности, существовавшие до того лишь в изустной форме»².

Именно в средневековой Западной Европе впервые в мире стали бороться с государственной позицией с таким противозаконным явлением, как преступление. Борьба с преступностью своими силами, выделение из своих рядов особых отрядов для наведения внутреннего порядка гражданами – это способ установления собственной власти в сложнейшей сфере, на которую ранее власть практически не обращала внимания, а впоследствии постаралась полностью подмять под себя.

Весьма наглядно это проявляется в истории эрмандады – добровольной вооруженной организации по охране общественного порядка, существовавшей в средневековой Испании, особенно в ее наиболее развитой части – Кастилии. Уже с XII в. создаются отряды муниципальных сил самообороны, призванные защищать горожан и паломников от произвола разбойничающих рыцарей-идадьго. Жесточайшая борьба за кастильское наследство, необходимость окончательной победы над маврами, борьба с соперниками-португальцами за гегемонию, изгнание евреев из Испании, открытие морского пути в Индию, задачи инквизиции – все это заставило испанских королей превратить некогда независимые добровольные отряды с выборным руководством в централизованную организацию – Святую Эрмандаду, находящуюся непосредственно под властью короля. Из орудия гражданского самоуправления и защиты граждан эрмандада превратилась в орудие государственного произвола.

Слева – гражданская гвардия Испании (*la Guardia civil*): 1 и 2 – алькальд и арбалетчик старой эрмандады Толедо; 3 и 4 – аркебузир и копьеносец Святой Эрмандады, реорганизованной в 1476 г. Изабеллой Кастильской и Фердинандом Арагонским. Справа – Алонсо де Арагон и Эскобар, 1-й герцог Вильяэрмоса (*Alonso de Aragón y de Escobar, el duque de Villa-Hermosa, 1417–1485*), первый верхний капитан Святой Эрмандады. Из книги Sánchez F.A. *Historia de la Guardia civil*. Madrid: EHSA, 1983–1985

Первая страница «Привилегий и подтверждений старой Святой Эрмандады города Сьюдад-Реаль» (1725)

Далее. Политическая среда гражданского общества насыщена представлениями о политической и правовой свободе. Социальная свобода – фундаментальная ценность мировой цивилизации. Благодаря социальной свободе появляется возможность самореализации индивидов, зависящая в свою очередь от их субъективных желаний, воли и потребностей. Свобода – это итог самостоятельности субъектов, который выражает результат их ценностного отношения к деятельности. Система ценностных ориентаций личности формирует направленность ее социальной свободы, которая является, с одной стороны, критерием уровня прогрессивного развития общества в целом, с дру-

¹ Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 208.

² Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: ЕРАЗЯ, 2007. С. 164-165.

гой – показателем реальности правового статуса личности. Устойчивая ориентация свободного поведения человека определяет направленность социальной свободы, в основе которой лежат социальные, правовые, нравственные, психологические качества и характеристики личности, сложившиеся в процессе ее включенности в определенные социальные отношения.

Политическая, правовая, экономическая свобода – это европейский феномен, что не означает, будто свобода была всегда имманентно присуща Европе. «Непременным условием правовой свободы является признание самоценности каждой личности, взятой в ее отдельности. Требования свободы оказываются не чем иным, как стремлением повысить веру в самого себя, в свою значимость и ценность, хотя бы и в малой степени присущей реальному правовому существу. Как известно, признание ценности личности (как ее права и свободы) связано с вполне конкретными эпохами развития обществ и сменяет (или дополняет) в общественном сознании идею подчиненности личности интересам целого, преодолевает мысль раствориться в общем деле»¹.

В контекстах мировых культур представления свободе имеют разный смысл. Ориентация исключительно на современное представление о свободе вообще и свободе личности – в частности, несет в огромной степени влияние чисто западного восприятия свободы, когда она понимается не только как возможность личности не подчиняться властям, но и самой исполнять властные полномочия и нести ответственность за их осуществление.

Русское понимание свободы обусловлено всем ходом исторического развития и становления социальных отношений. В этом отношении Русь-Россия отчасти пошла по общеевропейскому пути развития, отчасти же была вынуждена идти по своему пути. Так, демократические интенции республиканизма, возможности муниципального управления, основы парламентаризма, начала суда присяжных были характерны для российской истории. Все слои русского общества – и дворяне, и купцы, и крестьяне, а впоследствии и рабочий класс – всегда, так или иначе, использовали институты гражданского общества, хотя и в усеченном виде. Но самое сильное влияние на возможность развития гражданского общества в России оказывал все же традиционный для нее авторитарный стиль правления.

Кроме того, издавна россияне склонны поэтизировать вольность, бунт, считая их вполне приемлемыми формами политической активности. Вольность можно рассматривать как рефлексию народа на бесправие, произвольность законности, отсутствие в ней системных принципов, определяющих права личности. Законы в России устанавливались произвольно, поэтому и своеволие народа по сути дела стало следствием и реакцией на бесправие жизни и насилие.

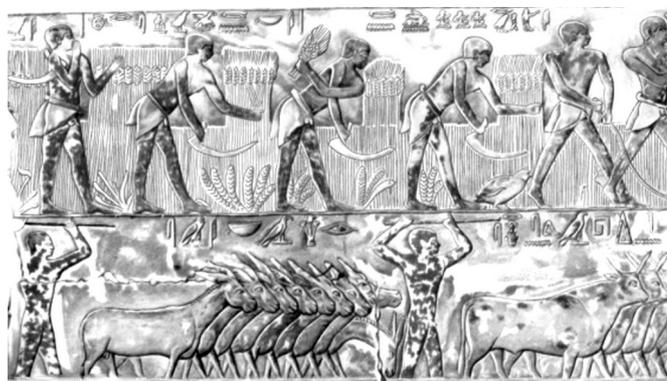
Особенности российского понимания свободы как воли и вольницы привели к установлению привычного режима единоличной власти. Основа авторитаризма – наличие надындивидуалистических структур, в которых свобода вовсе не является доминантой. Привычка к патернализму, восприятие несвободы как закономерности, естественного положения вещей формирует убежденность в невозможности оказать какое-то влияние на власть, создает препятствие для формирования гражданского общества.

Политические условия формирования гражданского общества, о которых шла речь выше, тесно связаны с экономическими условиями. В обществе выделяются три основные сферы общественных отношений: это отношения собственности, отношения власти и отношения порядка. Отношения собственности и все, что прямо или косвенно связано с ними, составляют экономические условия формирования гражданского общества.

По мнению Самюэля Хантингтона, цивилизация – это «...самые большие “мы”, внутри которых каждый чувствует себя в культурном плане как дома и отличает себя от всех остальных “них”»². Эти параметры неумолимо действуют для всех феноменов социального бытия, в том числе и определения форм существования гражданского общества.

Пространственные факторы, как правило, объективируют внешние параметры бытия цивилизации, темпоральные – внутренние. Пространственные факторы включают в себя климат, природу, географическое своеобразие местности, население как данность, его численность, условия проживания, род занятий. Темпоральные – это ментальность народа, представления о характере развития, договорные или традиционно-обычные характеристики отношений, значимость и ценность времени как такового, оперирование им в реальных жизненных ситуациях и прогнозах на будущее и своем месте в этом будущем. Характер собственности в равной мере определялся пространственными и темпоральными факторами: зарождение собственности, ее начальные параметры – суть пространственные характеристики, развитие, а наследование и перераспределение – темпоральные.

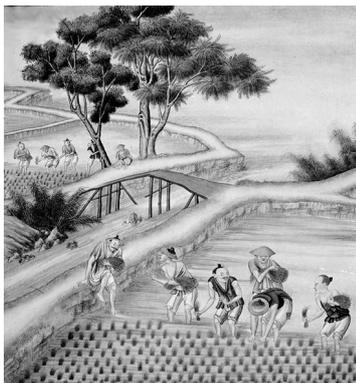
Правовые и государственные феномены, ориентированные на пространственно-временные факторы, складываются в глубокой древности. Пространственные параметры глубокой среды существования оказывали существенное влияние на становление как самой цивилизации, так и на конкретные общества и государства. Так, климат Египта, Китая, Индии, а в дальнейшем и России (как европейской, так и азиатской ее частей) заставлял людей создавать большие сообщества для организации ирригационных сооружений, природа требовала гигантских затрат человеческой энергии. Открытые большие пространства не позволяли отдельным общинам проявлять свою самостоятельность и реализовывать собственную власть на местах. Государство довлело и над человеком, и над сообществами. Возможности становления гражданского общества в этой среде были минимальными.

Сельскохозяйственные работы. Рельеф из гробницы в Саккаре. Египет. V династия

¹ Малахов В.П. Философия права. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 131–132.

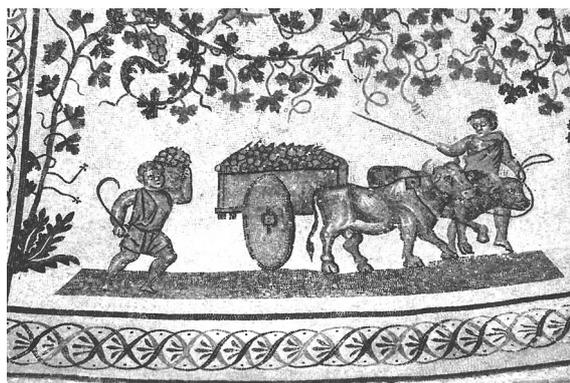
² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005. С. 51.

Сбор урожая риса.
Китайская гравюра XIX в.

Сельскохозяйственные работы. Русские миниатюры XVI в. (слева) и XVI–XVII вв. (справа)

Сбор урожая. Римская мозаика.
Мавзолей Констанция. V в. н.э.

В античном Средиземноморье вся природа была иной. Человек, проживающий в таких условиях, был избавлен от жесткой необходимости позиционировать свое поведение, весь строй своей жизни от обязанности выполнять коллективные работы, зависеть от чьей-либо воли. Он полагался в основном на себя самого, ибо был вполне в состоянии прокормить себя и свою семью.

Но климат, природа – это только внешние параметры становления гражданского общества. Античность – это новый, более высокий уровень развития общественной технологии, культуры, государственности, т.е. всей общественной жизни по сравнению с Древним Востоком. В условиях античного способа производства центром земледельцев (земельных собственников) являлся город. Собственность отдельного лица – частная собственность (существует наряду с общинной). К. Маркс отмечал: «Чем меньше частная собственность отдельного человека может быть фактически использована

только совместным трудом,... тем больше имеется условий для того, чтобы отдельный человек стал частным собственником». Государство, таким образом, есть «взаимное отношение между этими свободными и равными частными собственниками, их объединение против внешнего мира»¹.

В противоположность античному, в условиях азиатского способа производства индивиды относятся к земле как владельцы и как члены того или иного коллектива. При этом правитель выступает как высший и единственный собственник, в силу чего общины являются лишь наследственными владельцами. Данный способ производства получил последовательное развитие не только в Азии. Одновременно он затронул и часть Европы (древних кельтов), американские и африканские цивилизации.

Собственность везде определяла «конфигурацию» самой власти, а также способы и приемы, с помощью которых власть управляла собственностью и обеспечивала порядок в обществе. И. Бентам считал, что «собственность и право рождаются и должны умирать вместе. До появления законов не было никакой собственности: уберите законы – исчезнет всякая собственность»².

Римское право сумело создать систему отношений, предусматривающую пользу отдельных лиц и защиту частной собственности, а уже средневековое западноевропейское право предусматривало принципиальную невозможность покушаться на частную собственность. Без борьбы горожан за свои права это было бы невозможно. Богатство граждан-горожан порождало и богатство общества и государства; на них лежало основное бремя налогов, без которых не может существовать ни одно государство.

Немецкий социолог В. Зомбарт писал: «Если жизненные условия общества направлены к тому, чтобы каждая вещь оставалась в руках одного и того же собственника, – как, например, в обществе, организованном на началах натурального хозяйства, – то и развитие права будет исключительно направлено к тому, чтобы создать, возможно, более прочные отношения между личностью и предметом; наоборот: если население основывает свое существование на непрерывном приобретении новых благ, то развитие права в основе своей будет направлено на обеспечение способов обращения. Все это опять-таки вещи, которые понятны сами собой, но изложение, которых вводит в сущность интересующей нас здесь проблемы... В частности, на основании римского и старогерманского права собственник мог требовать обратно свое несправедливо утраченное имущество, не будучи обязан вознаградить нового, хотя бы и добросовестного, владельца. В противоположность этому современный, почти повсюду в законодательстве действующий, принцип признает, что добросовестный приобретатель, если он вообще обязан выдать вещь прежнему собственнику, имеет право требовать от него уплаченную им за эту вещь сумму»³.

В западное право реципировалось не только римское, но и Моисеево право. Частный интерес – это проявление

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 456–466.

² См.: Правовая мысль. Антология / Автор-составитель В.П. Малахов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 293.

³ Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М. Айрис-пресс, 2004. С. 516.

индивидуальности, его наличие заставляет всех участников экономических отношений устанавливать границы, статус, права, обязанности и ответственность по отношению друг к другу. Частный интерес устанавливает степень самостоятельности и независимости каждого члена общества, которая в свою очередь может быть защищена правом. Первые банки возникли именно как инструмент самостоятельной активности горожан, а уж потом государство и церковь были вынуждены взяться за правовое регулирование этих процессов. Специалисты по каноническому праву вынуждены были признать, по крайней мере, отчасти, что риск заслуживает компенсации¹. Прежде это было занятие, которым могли заниматься исключительно люди нехристианского происхождения, презренные маргиналы Запада – евреи. Но позже выяснилось, что ломбардцы, венецианцы, флорентинцы, генуэзцы, ганзейцы не хуже евреев справлялись с банковским делом. Более того – возникают структуры типа Ганзы, которая «не будучи государством, с XII в. стала могучей экономической, социальной и политической силой»².

Начиная с Возрождения, западная цивилизация порождает новые экономические условия жизни, развивающие в людях индивидуализм и предприимчивость, которые, в свою очередь, ведут к обращению к праву. Западная цивилизация увидела личность, осознала значимость интересов человека, необходимость управления экономической жизнью инструментами личной заинтересованности и институтами зарождающегося гражданского общества как общественно-самоуправления. Гражданское общество через личную заинтересованность, участие миллионов людей в самообеспечении создает экономические основания жизни общества и деятельности, богатства и процветания государства.

Но политико-экономические условия формирования гражданского общества ни в коей мере не могут быть самодостаточными, поскольку только интеллектуально-духовные условия способны прояснить сущность гражданского общества, определить его содержание, выявить те основания духовности, которые характерны для определенного народа, общества, нации, сообщают им своеобразие.

В контексте выявления интеллектуально-духовных основ гражданского общества первостепенное значение имеет тот факт, что Античность впитала в себя важнейший мировой социокультурный фактор – христианство, которое создает институт церкви, отсутствовавший в дохристианских религиях. В западноевропейском Средневековье этот институт приобрел характер надгосударственной, общецивилизационной организующей силы. Изменился принцип, характерный для древних цивилизаций: один народ – одно государство – одна религия – одна культура – один язык.

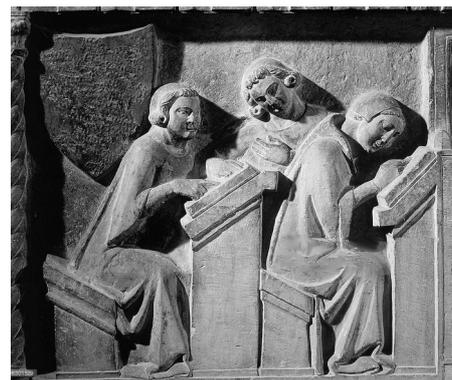
В раннем Средневековье церковь, используя каноническое право, взяла на себя обязанность решать ряд юридических проблем – осуществление брачно-семейного и наследственного права. Она выступала посредником в межгосударственных отношениях, иногда становилась препятствием чрезмерным амбициям светских синьоров, служила защитой для тех мирян, которым государственная власть не могла предоставить должную защиту: студентам, крестоносцам, беднякам, вдовам, сиротам, путешественникам, а также евреям в делах против христиан³.

В XVI в. произошла Реформация, давшая человеку меру его угодности Богу, определяемую степенью жизненного успеха. Она обратилась к ветхозаветным корням христианства, освятив деятельность каждого человека, в том числе и физический труд, деловое, личное и семейное преуспевание. Вопреки своим создателям Реформация утвердила мятежный индивидуализм, личную совесть, «христианскую свободу», критическое частное суждение в адрес авторитета церкви, продолжив и ускорив процессы, начатые Возрождением. Для обеспечения своих частных прав и свобод их поданные были вынуждены заняться самостоятельной политической жизнью: объединяться с различного рода оппозиционными блоками – аристократами, частью духовенства, провинциями, городами, университетами. Протестантизм способствовал становлению политической и правовой свободы.

Протестантизм сделал также частным делом, т.е. фактором свободного правового выбора, проблемы брака, лишив его ореола священства и превратив в предмет гражданского права, светского договора. А сам светский договор приобрел, в известной мере, сакральный характер, ибо деловые отношения ставились в центр всей жизни общества.

Одним из идейно-интеллектуальных условий формирования гражданского общества на Западе можно считать появление университетов, которые представляли собой точно такие же корпорации, как корпорации сапожников, оружейников или пекарей. Университеты становились очагами распространения свободомыслия и еретических идей. В 1088 г. в Болонье возникает университет, который вскоре приобретает всемирную известность и, посвятив себя изучению «Corpus Iuris» Юстиниана, делается центром возрождающейся юриспруденции. Юристы, получившие образование в Болонском университете и его дочерних университетах, становились администраторами не мертворожденной западной «Священной Римской империи», а эффективных и независимых западных национальных государств.

Образование было более необходимо буржуазии, дворяне значительно менее нуждались в нем, поскольку грамотность не была «стандартом» жизни феодалов. Зато богатые коммерсанты заботились о том, чтобы их наследники посещали городскую школу, они нанимали им учителей или даже отдавали в университеты, где те получали знания, которые мог-

Слева – печать Болонского университета. Справа – студенты Болонского университета. Деталь рельефа гробницы Джованни ди Бонандреа. 1333

¹ Делюмо Ж. Цивилизация Возрождения. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. С. 235.

² Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: опыт исторической антропологии. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. С. 80.

³ См.: Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.: Высшая школа, 2004. С. 275-276.

Юрист Антонио да Будрио и его ученики.
Итальянская миниатюра. XIV–XV вв.

Адвокат на суде.
Французская гравюра. 1489

В нотариальной конторе. Миниатюра из
регистра нотариусов Падуи. XIV в.

ли пригодиться в жизни купца или позволили бы пробиться в сословие юристов¹. Именно в западноевропейском Средневековье было заложено духовное стремление к получению юридического образования. Духовный интерес горожан к римскому праву и в целом к юридическому образованию трансформировался в особое отношение к праву как виду духовной деятельности, в рамках которой можно преобразовывать мир.

Обратимся теперь к России и попытаемся выявить те интеллектуально-духовные условия, в которых постепенно зарождалось гражданское общество. К таким условиям относились прежде всего западные рецепции и стремление власти европеизировать Россию. Однако, как показывает история, некритический перенос образцов чуждой социальности способен отрицательно влиять на национальное самосознание, приводить к утрате смысловых ориентиров и хаосу. Как следствие, формирование гражданского общества в России оказалось весьма сложным процессом.

Заемствование православия из Византии сопровождалось внедрением в Киевскую Русь не только отдельных византийских принципов государственного устройства, но и мистико-аксиологических, антирационалистических форм духовности, которые плохо сочетались с правовыми началами. В XIX столетии К.Д. Кавелин отмечал, что Россия до Петра «не развила ни одного юридического начала», а личность ни в общественной, ни в гражданской сфере «сама по себе ничего не значила»².

Всеохватывающим фактором и основанием духовной культуры России является православная религия, к которой восходит и аксиологическая трактовка правовой культуры, понимаемой как совокупность духовных ценностей правды, добра, красоты и общего блага. Неслучайно само понятие духовности отождествлялось В.С. Соловьевым с религиозным сознанием. Поэтому закономерно противопоставление славянофилами западной и российской духовности, которая порождалась православной традицией в противовес западной с ее материальными, научно-техническими и мелкобуржуазными, рыночными отношениями и установками. Для российского менталитета характерен духовный коллективизм и неумение добиться больших результатов в деле личного преуспеяния.

Гибель Византии породила в русском менталитете мессианизм, в силу которого Русь, а потом Россия стала оцениваться как непосредственная наследница византийской духовной культуры, социального устройства и общественных отношений. Само византийское наследие рассматривалось как святыня, постоянно находящаяся под угрозой как с Востока, так и с Запада. Необходимость его защиты оформилась в теологической концепции псковского монаха Филофея «Москва – Третий Рим», в которой русичи рассматриваются как единственные защитники богооткровенной веры, требующей аскезы, самоотверженности и самоотдачи. Отвержение юридических установлений, регламентирующих в Византии административные властные функции императора и патриархов, выглядели в глазах русичей как достоинство и неопровержимое превосходство Руси, которая может жить не по формальным юридическим законам, а в соответствии с верой и благодатью.

Благодаря православию в России формируется приоритет духовных ценностей над материальными, аскетизм, стремление к справедливости и внутренней свободе, поиск правды, сакрализация власти, ценностное отношение к миру, приверженность эсхатологизму и ориентация на радикальные меры, соборность и коллективистские установки с опорой на общественную ответственность.

В российской культуре издавна над личным интересом доминировал государственный интерес, государство контролировало все сферы жизни, в том числе и правовую. Все развитие русской государственности, ее механизмы, основания и принципы повлияли на характер русского народа, его поведенческие и ментальные особенности. Авторитарно-монархический идеал государственности, принципы патерналистского управления, при котором частные интересы полностью растворяются в государственном благе, персонифицированном в единоличном правителе, имеют глубинное основание в религиозности как доминанте российского менталитета. Православие и исихастская традиция воспитали русский народ в религиозной покорности как церкви, так и царской власти, которые находятся в неразрывном симфоническом единстве. Задача исихазма заключается в достижении путем особой сосредоточенности ума божественной любви и познания духовных вещей. Отстраненность от реального мира, сосредоточенность на душевно-духовных переживаниях помогли русскому человеку выстоять в бесконечных войнах, сражениях, пережить насилие и произвол власти, вынести тяготы государственного бремени и свою тяжелую историческую судьбу. Ис-

¹ См.: Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005. С. 153.

² Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 47 – 48.

ихазм, с одной стороны, способствовал появлению у человека установок на личную ответственность, отказ от своеволия, ненависть ко злу, подвиг и аскезу, неприятие внешнего материального благополучия, а, с другой стороны, инициировал невмешательство в политическую жизнь, созерцательность и мечтательность. Пассивность в социально-политической жизни сформировали российскую правовую культуру с ее установками на страдание, спасение, превосходство религиозно-нравственных норм над правовыми.

Время государственности в России всегда была чрезвычайно велико. В русском человеке, который привык во всем полагаться на силу и власть государства, сформировался жесткий авторитарный этатизм, неумению и нежеланию увидеть глубинные основы правовой жизни, ее значимость. Традиционное культивирование правовых ценностей не сочеталось с правами личности и ее правосубъектностью.

В России важным фактором социального развития стала община, специфика которой заключалась в медленном преодолении патриархальных препятствий, в неразвитости института частной собственности. Община препятствовала становлению личностного начала, создавала условия для поглощения человека «миром». Высшими и общезначимыми интересами провозглашались исключительно общинные интересы, что в существенной мере мешало развитию правовой культуры. С другой стороны, в отечественной политико-правовой мысли община чаще всего оценивалась положительно, как пример самобытности, хранитель чувства христианского братства или зародыш социалистического духа. «Общинность есть оседлость, общинность есть гражданственность, которые составляют основу нашей истории, с первых страниц летописи»¹. Благодаря общинности осуществился союз народа в обществе и государстве, и наша история приобрела «два великих начала общинности – личную свободу и общественное владение в земле»². В русской общине виделись принципы самоуправления, самостоятельности и самостоятельности русского народа, которые были нивелированы благодаря петровским реформам.

Приоритет духовных ценностей над материальными формировался в течение всей истории Российского государства. Этому способствовала и православная Церковь, которая видела в отрешенности православного верующего от мирского, материального духовную силу и крепость духа, проявление силы воли человека, в отличие от потребительства, филистерства и духа стяжательства, освященного протестантским Западом. С точки зрения западного мироощущения собственник – это индивидуалист, замкнутый на собственном единоличном «Я». Русский человек по своей природе и ментальности чужд такому пониманию собственности. Неслучайно Н.А. Бердяев отмечал, что «собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное. Она предполагает не только потребление материальных благ, но и более устойчивую и преемственную духовную жизнь личности в семье и роде»³. У россиянина частная собственность на землю предполагает одухотворенное отношение к земле, лесам и полям, где жили и трудились деды и прадеды. Утилитарное отношение к собственности разрывает эту живую связь с традиционным для русского человека миром, умаляет предание, обезличивает живой, пронизанный глубоким смыслом природный мир.

Предубеждение против частной собственности, сохранившееся в крестьянской общине, совпало с антисобственническими акциями советского государства. И когда оно ликвидировало сам институт частной собственности, объявив его антинародным и эксплуататорским, население восприняло это как должное и необходимое, как освобождение от старого прогнившего мира.

С глубокой религиозностью связана и другая особенность духовной жизни в России, а именно моралистичность. Нравственные нормы призваны играть решающую роль в регуляции не только повседневных бытовых отношений, но и политико-правовых. В отличие от Запада, российская правовая культура утверждает антиномичность рационального и нравственного, формирование в человеке способности к моральной саморегуляции, делающей право избыточным и лишённым глубокого смысла.

Высшим выражением этических установок личности является ее способность к нравственному самоконтролю в противовес праву, которое осуществляет внешнее принуждение и не стимулирует человека к внутренней моральной готовности и выработке способности к самостоятельному напряженному выбору добра вместо зла. Регулятором социального поведения личности оказывается совесть, которая одна только может направить человека или казнить его за неблагоприятные поступки.

В отличие от Запада российская моральность предполагает смиренное, недеятельное отношение к социальному бытию. Западное христианство, особенно протестантизм, культивирует нравственное активно-практическое отношение к миру, которое формируется в процессе преобразовательной деятельности субъекта, призванного «возделывать свой сад», видя в этом свое высокое нравственное предназначение. В российской ментальности мораль предполагает не практическое отношение к действительности, а возвышенные идеалы, сакрализацию внутренней борьбы с самим собой, с собственным «Я», самоуглубленность и самокопание.

Итак, представления о гражданском обществе и его правовых свойствах в огромной степени лежат в плоскости культурологического и цивилизационного понимания права, включенности данной проблемы в комплекс социально-экономических, ментальных и духовных отношений. В настоящее время под гражданским обществом подразумевают индивидуализированную форму существования социальности в ее противопоставлении политическому, фиксируя определенный уровень развития и степень зрелости общества в целом, его специфическую историческую форму

На миру. Художник С.А. Коровин. 1893

¹ Лешков В.Н. Русский народ и государство. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 40.

² Там же. С. 41.

³ Цит. по: Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб.: Ганза, 1993. С. 303–304.

и состояние. Его возникновение обусловлено целым комплексом пространственных и темпоральных условий, в целом характеризующих состояние социальных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Издательство Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2006.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Синодальный перевод. М.: Российское библейское общество, 2009.
3. Всемирная энциклопедия. Философия. М.: АСТ-Минск: Харвест, Современный литератор, 2001.
4. Грубарг М. Основные элементы учения иудаизма о государстве и праве // Государство и право. 2002. № 5. С. 93–98.
5. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: РОССПЭН, 2005.
6. Делломо Ж. Цивилизация Возрождения. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
7. Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М. Айрис-пресс, 2004.
8. Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб.: Ганза, 1993.
9. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. С. 11–67.
10. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. М.: Высшая школа, 2004.
11. Ле Гофф Ж. Рождение Европы. СПб.: ALEXANDRIA, 2007.
12. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги. Очерки исторической антропологии. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010.
13. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
14. Лешков В.Н. Русский народ и государство. М.: Институт русской цивилизации, 2010.
15. Малахов В.П. Философия права: Учебное пособие. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
16. Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
17. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 1–508.
18. Правовая мысль. Антология / Автор-сост. В.П. Малахов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2005.
20. Beito D.T., Gordon P., Tabarrok A. *The Voluntary City: Choice, Community, and Civil Society*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2002.
21. Berman H.J. *Law and Revolution, II: The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Tradition*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009.
22. Berman H.J. "Religious Foundations of Law in the West: An Historical Perspective." *Journal of Law and Religion* 1.1 (1983): 3–43.
23. Berman H.J. "The Origins of Western Legal Science." *Harvard Law Review* 90 (1977): 894–943.
24. Black A. *Guilds and Civil Society in European Political Thought from the Twelfth Century to the Present*. London: Methuen, 1984.
25. Clark D.S. "The Medieval Origins of Modern Legal Education: Between Church and State." *American Journal of Comparative Law* (1987): 653–719.
26. Dyson K. *The State Tradition in Western Europe: A Study of an Idea and Institution*. Colchester: ECPR-Press, 2010.
27. Edwards M. *Civil Society*. Cambridge: Polity, 2009.
28. Haila A. "The Market as the New Emperor." *International Journal of Urban and Regional Research* 31.1 (2007): 3–20.
29. Hall J.R., ed. *Civil Society: Theory, History, Comparison*. Cambridge: Polity, 1995.
30. Hansmann, H., Kraakman R., Squire R. "Law and the Rise of the Firm." *Harvard Law Review* 119.6 (2006): 1333–1403.
31. Hodgett G. *A Social and Economic History of Medieval Europe*. Abingdon, UK: Routledge, 2006.
32. Maclean I. *Interpretation and Meaning in the Renaissance: The Case of Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
33. Maharg P. *Transforming Legal Education: Learning and Teaching the Law in the Early Twenty-First Century*. Burlington, Vt; Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd., 2007.
34. Mews C.J., Abraham I. "Usury and Just Compensation: Religious and Financial Ethics in Historical Perspective." *Journal of Business Ethics* 72.1 (2007): 1–15.
35. Michaels R. "The True Lex Mercatoria: Law Beyond the State." *Indiana Journal of Global Legal Studies* 14.2 (2007): 447–468.
36. Rubin J. "Institutions, the Rise of Commerce and the Persistence of Laws: Interest Restrictions in Islam and Christianity." *The Economic Journal* 121.557 (2011): 1310–1339.
37. Tigar M.E., Levy M.R. *Law and the Rise of Capitalism*. New Delhi: Aakar Books, 2005.
38. Wright B. "Ben Sira on Kings and Kingship." *Hellenistic Culture and Society* 50 (2007): 76–91.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Медушевская, Н. Ф., Сигалов, К. Е. Условия формирования гражданского общества в контексте пространственно-временных факторов / Н.Ф. Медушевская, К.Е. Сигалов // Пространство и Время. — 2015. — № 3(21). — С. 32—40. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_st3-21.2015.13